

Анатолий Арестов

Рождение звезды

Чай на веранде

Греется дом. Облетевшая краска
ярко синее с земли в небеса,
рядом на пару белеет замазка —
рама разохлась, и ваты коса
мерно дрожит на ветру Первомая.
Требуется помощи старенький дом!
Дети приехали. Внучек, играя,
дружбу разрушил навеки с котом.
Скрылся хвостатый в сарае с дровами.
«Кисонька, кисонька», — Петя зовёт.
Только шипит и блистает глазами
прямо с поленницы яростный кот!
Свежую землю подняли лопатой.
Петин отец потирает бока:
«Солнце какое! Снимай, конопатый,
майку свою. На природе пока!»
Мама с бабулей покрасили рамы.
Стёкла отмыли. Натёрли — блестят!
«Лучше не видел нигде панорамы! —
хвалит отец. — Совершили обряд —
домику дали второе рождение!»
«Эх, молодцы! — усмехается дед. —
Может чайку на веранде с вареньем?
Выпьём за домик, за выслугу лет!»
Солнце садится. Прохладнее ветер.
Чай на веранде. Небесная высь.
Спит в одеяло закутанный Петя.
Котика бабушка манит: «Кысь-кысь!»

Пензенские журавли

А в сурских краях разливаются воды —
весенние воды последних снегов.
В ахунском лесу белоствольные взводы
берёз окаянных лишатся оков
морозного плена. Охвачены негой
набухшие почки с зачатком листа,
и ветер играет на мертвенно-пегой
пожухлой траве. В луговые места
летят журавли, напрямик в Городище.
«Привет, дорогие!» — машу им вослед.
И словно ответили: «Строить жилище
с дороги далёкой пора нам, сосед!»
А в сурских краях зеленеет округа,
и чистое небо синее вдали,
но там, в Городище, на свежести луга
танцуют, взлетая, мои журавли...

Поэзия лунного света

В изяществе лунного света — поэзия
скромного слова, ветрами избитого.
Словно из ножен острейшее лезвие
блещет меча, да из кубка испитого
капли вина растекаются кровью,
скатерть степную украсив былинами.
«К ратному бою дружину готовлю!» —
шепчет камыш. Вознеслись исполинами
сопки притихшие. Светом облитые
листья осоки, подобные копьям,
камня касаются, вросшего плитами
в землю родную. Разбужены воплем
птицы невидимой тучи плаксивые,
боком уходят с дорожки сверкающей
на озерце одиноком, под ивами,
лунной поэзии свет отражающем...

Муки прошлого

Погаснут звёзды над селом,
пастух раскурит злой табак,
потянет дым наверх столбом,
но без него уже никак —
привычка, мать его ети,
за много сложных мрачных лет.
«Прости мя, грешного, прости!
Шальная страсть, а счастья нет...» —
пастух подумал, кнут зажал,
присел в траву, глотая дым,
а конь ретивый громко ржал:
«За злой табак тебя простим!
Ты нас поил, ты нас кормил,
не бил кнутом, водил в луга,
и мы набрались свежих сил,
и будем вновь возить стога
с полей привольных». Рад пастух!
Закралась в грудь благая тишь.
Шептал вопросом ветра дух:
«Ты сам себя когда простишь?»

Туча-тень

Быть ли туче, полной мрака,
в день июльский тенью им,
им, покрывшим дно оврага,
травам жаждущим, сухим?
Солнце жжёт. Желтеет глина.
Трещин путь морщинит лик
дна оврага, где калина
пьёт листьями солнца блик,
опротивевший до боли:

— Небо, сжался! Туча, плачь!

Ветер, хватит веять с поля
зноем мёртвым!

— Ты, палач,
прекрати! — шептала туча,
плача сверху. — Там, за мной,
на просторе сто могучих
туч, побивших летний зной!
Расходился мрак спасеньем.
Ветер сдался. Дождь-слеза
капал сверху. Тучи тенью
наступали. Шум. Гроза!

Крах искусства

«Конец июля. Шум в дубравах
резных листов. Кидает тень
Андрея дуб. Прошли забавы,
настал счастливый новый день,
любовь несущий...» — славный гений
увидел связь высоких чувств
в природе русской, в плясках тени,
грядёт падение искусств
через много лет... К брусчатке прочной
один делец прибьёт «своё»,
другие будут в церкви ночью
кричать безумное враньё!
Быть может, мир режется дико?
Быть может, мир стремится пасть?
И вновь расходится он криком,
с ухмылкой злобной скаля пасть!
Он сам себя съедает жадно
и рвёт клочки своих волос!
Безумство, наглость — всё коварно!
Увы, до классики дорос,
но бросил мир в экран смартфона
потухший взгляд и палец свой,
оставил слово Art для фона,
забыв про небо над головой...
Оно, высокое, синело,
Оно, высокое, звало!
Андрея там оно задело,
но пощадило! Не свело
в могилу к смерти... Крах искусства?
Верней, война и краткий мир.
И всё же будет чистым чувство,
и будет полон вновь потир —
искусства полон!

Рождение звезды

Угасала с рассветом
звёздная пыль,
на пригорке согретом
просыпался ковыль —
не расчёсаны пряди
белокурых волос.
«Да чего это ради?» —
задавал он вопрос.
Разбуянится ветер,
замотает ковыль,
и собьётся при свете
звёздная пыль —
упадёт на пригорке,
прорастёт в те места,
и в небесной сторонке
засияет звезда.

К Создателю

Спасибо, Господь, за чужие молитвы,
спасибо за ношу в житейском пути,
спасибо за щит в неоконченной битве,
спасибо за мысли: «Стараюсь найти».
Ты веришь в меня — неосознанно знаю,
Ты мысли читаешь в безумной главе,
Ты совесть даруешь. Тебя заклинаю:
не дай оказаться в погильном рве
пороков мирских и в объятьях гордыни!
Спасибо, Господь, за мученья любви,
спасибо за кровь, что от ужаса стынет,
спасибо за ужас, что стынет в крови.
Просил я немало, но делал немного,
пытаясь законом Твоим побороть
деяния дерзкие, снова и снова
старался умирить и душу, и плоть.
Писанье Священное тихо читая,
я тешил себя, познавая мотив
божественной сути. К обители рая,
наверное, душу стихами сгубив,
меня не подпустят. Надеюсь на чудо,
надеюсь на веру, на крест на груди!
Спасибо, Всевышний, за времени ссуду,
позволь мне и дальше по жизни идти!
Аминь.